Л.А. Чибиров

З.К. Кусаева

УДК 398.22, 94 (3)
DOI 10.23671/VNC.2019.4.43315

ОСЕТИНО-АДЫГСКИЕ НАРТОВСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Л.А. Чибиров*, З.К. Кусаева**

Анотация. *В предлагаемой статье анализируются существующие схождения и отличия между осетинской и адыгской (преимущественно кабардинской) версиями Нартиады. Вместе с тем дана критическая оценка концепции полицентризма (субстратно-кавказского происхождения эпоса), а также бытующему суждению об адыгском центре формирования ядра нартовского эпоса и приведена соответствующая научная аргументация, обосновывающая достоверность доводов В.И. Абаева о том, что истоки формирования Нартиады ведут к легендам североиранских племен скифов, сарматов, алан.*

Ключевые слова: *Нартовские сказания, скифы, сарматы, аланы, осетины, адыги,параллели, ядро эпоса.*

Нартовский эпос распространен у большинства северокавказских народов в различных вариативных формах и в настоящей полиэтнической среде региона играет роль своеобразного «символического универсума». Вместе с тем в эпических текстах всех национальных версий обнаруживается определенная идентичность и одновременно самобытность и оригинальность.

Согласно научным изысканиям В.И. Абаева, нартовский эпос сформировал особого рода межнациональную ареальную общность на Кавказе у населяющих его народов: осетин, адыгов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абадзехов и др., балкарцев, карачаевцев, абхазов, чеченцев, ингушей [1, с. 209]. Однако, несмотря на сходство отдельных мотивов, сюжетов и некоторых архетипических символов, осетинская Нартиада, в сравнении с ее разновидностями, бытующими у кавказских народов, имеет ряд значительных отличий. Так, у осетин она характеризуется цикличностью и обладает явными признаками генеалогической и биографической циклизации. Осетинский нартовский эпос имеет цельную, завершенную структуру. Компонование нартовских сказаний осетин, выявленное В.И. Абаевым, выделяет четыре центральных цикла: начало нартов – Уархаг и его сыновья, Урызмаг и Сата́на, Сослан, Батраз. Значимыми для осетинского эпоса являются также малые циклы, к которым относятся циклы Сырдона и Ацамаза [1, с. 209]. Распределение осетинских нартовских сказаний по указанному принципу циклизации не представляет больших трудностей, поскольку оно напрашивается само собой. Сказания без всякого насилия легко группируются вокруг нескольких главных персонажей и событий. Герои эпоса находятся в родственной связи, прослеживаются четыре поколения героев, выделяются три нартовских рода, т. е. существует генеалогическая связь [1, с. 154].

В качестве примера приведем генеалогические таблицы, систематизированные известным нартоведом К.Ц. Гутиевым и обнаруженные в личном архиве ученого (*рис. 1, 2, 3, 4*). Схемы, разработанные исследователем, впервые вводятся в научный оборот, и, следует признать, что они содержат более подробные сведения, чем данные, представленные во всех известных указателях, в том числе

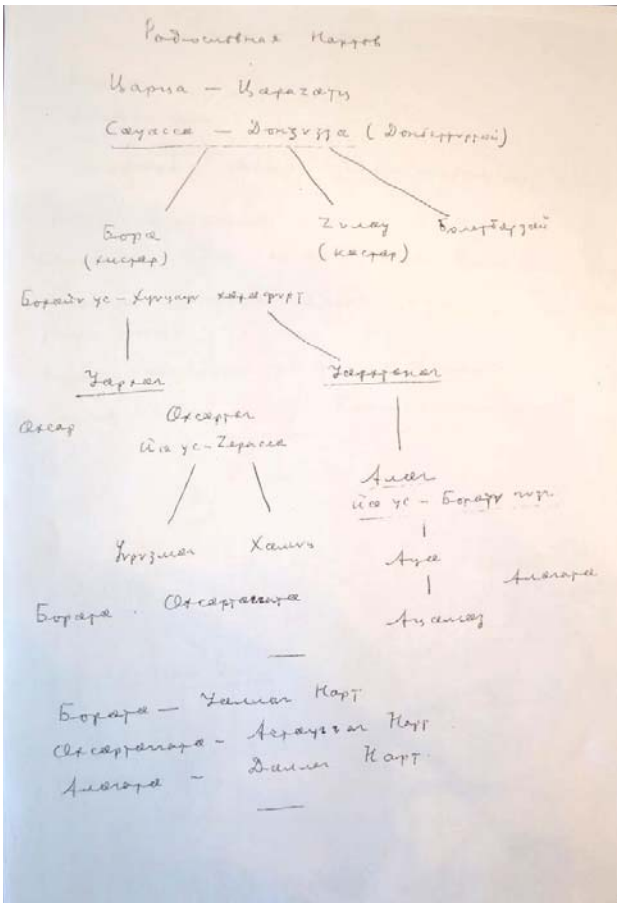

Рис. 1. **Родословная нартов. Личный архив К.Ц. Гутиева**

** Чибиров Людвиг Алексеевич – д. и. н., профессор, гл. н. с., зав. отделом этнологии СОИГСИ ВНЦ РАН (l.chibirov@mail.ru).*
*** Кусаева Залина Константиновна – к. ф. н., ст. н. с. отдела фольклора и литературы СОИГСИ ВНЦ РАН (kusaevaz@mail.ru).*

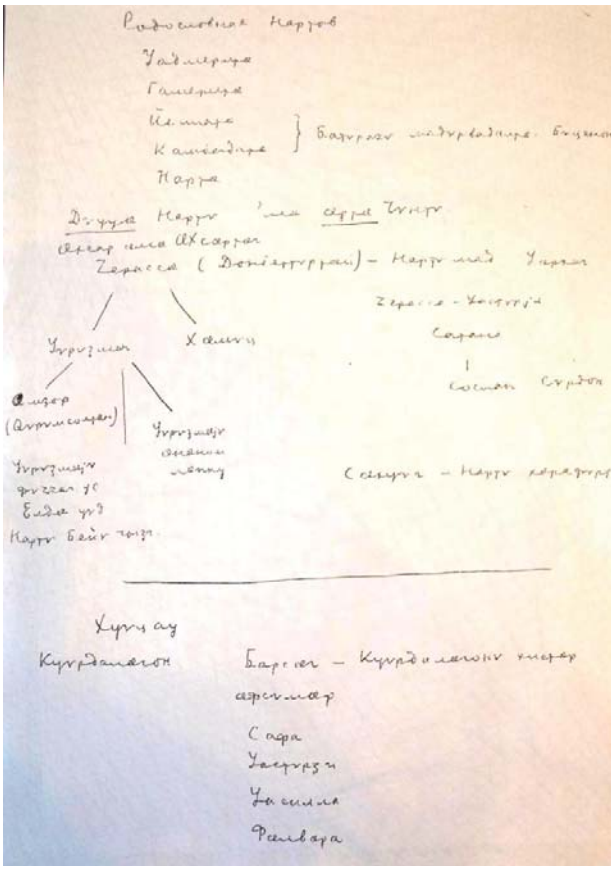

Рис. 2. **Родословная нартов. Личный архив К.Ц. Гутиева**

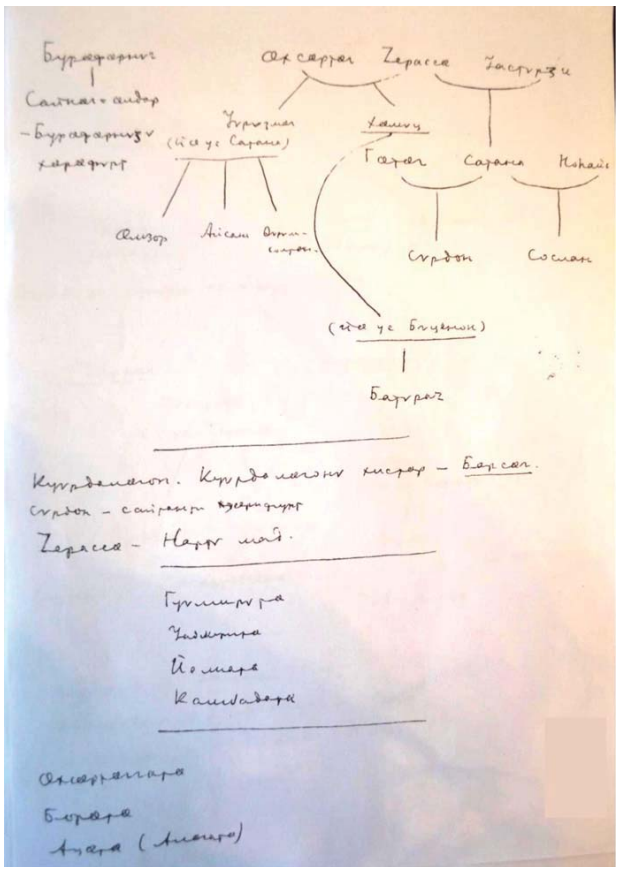

Рис. 3. **Фамилии нартов. Личный архив К.Ц. Гутиева**

достаточно популярной таблице английского ученого Гарольда Бейли (*рис. 5*).

Определяя локальные тенденции развития эпоса, важно отметить, что специфика эпического повествования осетинской Нартиады характеризуется особой семантической насыщенностью, основанной на религиозно-мифологических мотивах, актуальность которых в значительной степени сохранена в современной этнокультурной традиции осетин. Показательно, что в фабульных элементах кадагов просматриваются реальные этнографические очертания и представления практически обо всех типах ритуального комплекса – обрядах календарных, инициационных, родильных, свадебных и пр. [22, с. 207]. Приведенное утверждение подкрепляется концепцией ученого Г.М. Бонгард-Левина, который верифицировал множественные схождения в религии, мифологии и эпосе осетин и других индоиранских народов, обитавших в Индии, Иране и Средней Азии. По мнению ученого, «и теперь еще в национальном осетинском эпосе «Нарты» сохраняются сюжеты и образы, которые наводят на прямые соответствия в древней литературе Индии и Ирана. В нартах прослеживаются также многие черты, отражающие религиозные и мифологические представления, конкретные особенности быта и традиционных обычаев осетин» [6, с. 25]. Осетинский эпос в силу жанровых особенностей непосредственно апеллирует к «золотому прошлому» определенного народа – своего создателя [24, с. 3].

Осетинская «Нартиада» рассматривается, прежде всего, как исторический источник, повествующий в метафорической форме об особенностях культуры этноса: этикете, ценностных доминантах и т. д., т. е. иносказательно передающий информацию о тех формах коммуникации и механизмах воспроизводства культуры, на основе которых представляется возможной реконструкция базовых, константных черт ментальных особенностей.

После осетин наиболее полно нартовские сказания сохранились у адыгов, преимущественно у кабардинцев. Согласно научным изысканиям В.С. Уарзиати, наличие значительного ряда нартовских сказаний у кабардинцев объяснимо тем, что в период наивысшего расцвета аланского государства (I–XIII вв.) адыгские племена были ближайшими соседями алан и интенсивно контактировали с ними [28, с. 288–289]. Известно, что в послемонгольский период (XIV–XV вв.) адыги заняли исторические земли алан и тесно общались с сохранившимся аланским населением, оставшимся на прежней территории.

Необходимо подчеркнуть, что начало изучения

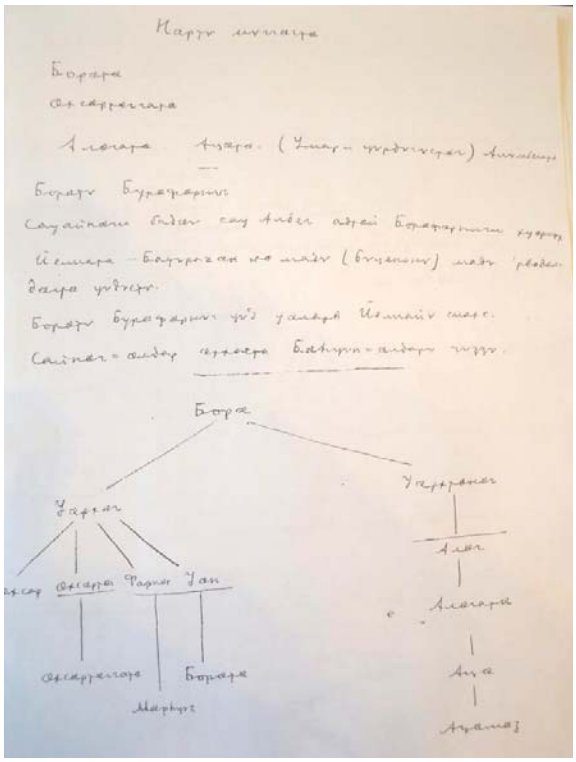

Рис. 4. **Родословная нартов. Личный архив К.Ц. Гутиева**

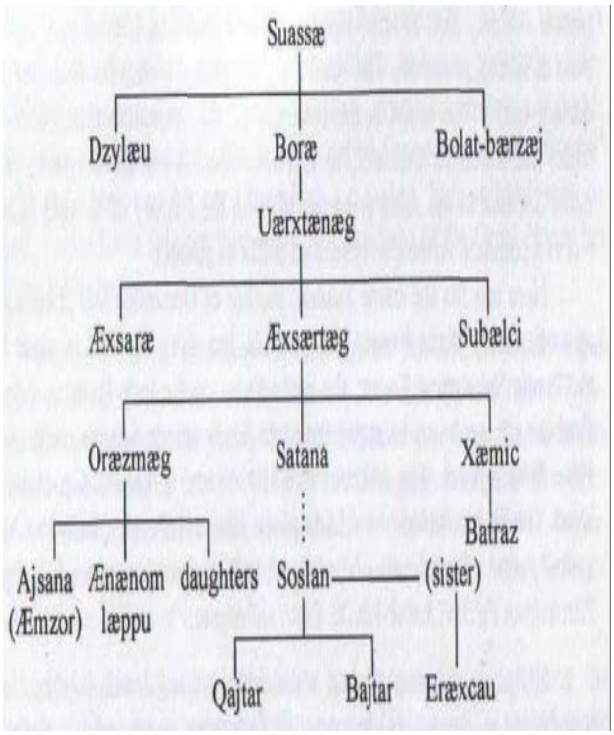

Рис. 5. **Bailey H. W. Ossetic (Nartæ) // Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies. Paris — Vladikavkaz, 2003. Vol. II. № 1-2. P. 7-40.**

нартовских сказаний адыгских народов было положено в 40-е годы XIX в. Хан-Гиреем. Впоследствии весомый вклад в развитие фольклористики и исследование эпических текстов внесли: Ш.Б. Ногмов, К.М. Атажухин, Л.Г. Лопатинский, В.М. Гацак, П.И. Тамбиев и др. В советский период наиболее плодотворная работа над сбором, анализом, систематизацией и публикацией адыгских нартовских сказаний началась после окончания Великой Отечественной войны и связана с именами ученых А.И. Алиевой, А.М. Гадагатем, М.А и З.Ю. Кумаховыми, А.Т. Шортановым, А.М. Гутовым и др.

Историографический материал по изучению нартовского эпоса осетин также достаточно обширен и хорошо известен. Однако сравнительно-историческое изучение национальных версий эпоса и его отдельных циклов остается одной из малоизученных областей в нартоведении. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении этнической специфики осетинских и кабардинских сказаний, обнаруживаются явные признаки композиционных, сюжетных и антропонимических схождений.

Так, в адыгском нартовском эпосе центральными и наиболее известными являются сказания о камнерожденном Сосруко, а также сказания о Пши Бадиноко. Важно отметить, что цикл Сослана / Созрыко (каб. *Сосруко*) – единственный в эпосе, присущий всем версиям «Нартиады». У адыгов он центральный, ибо первые два наиболее ранних поколения нартовских богатырей в их версии отсутствуют. Характерно, что супружеские четы Уархаг – Сасана, Ахсартаг – Дзерасса также не упоминаются в адыгской версии. Причина усматривается в том, что ранние циклы эпоса у осетин сформировались в скифо-сарматский период (до н. э., на рубеже эпох), когда творцы эпоса еще обитали на берегах Азовского и Черного морей по соседству с адыго-абхазскими племенами [7, с. 100–101].

Одним из дореволюционных собирателей эпоса – Л.Г. Лопатинским было записано четыре сказания о Сосруко: о рождении Сосруко из камня, о его появлении на собрании нартов, о встрече героя с незнакомцем, оказавшимся Тотрешем (осет. Тотрадз) и о том, как Сосруко спас нартов от голода [23, 45, с. 77]. Указанные тексты признаны известным нартоведом А.И. Алиевой классическими [5]. Перечисленные сюжеты в полной мере представлены и в осетинском эпосе. Единственное отличие, отмеченное Ю.С. Гаглойти, – причина гибели героя: у адыгов Сосруко погибает из-за вероломства самих нартов, а в осетинском эпосе – от враждебного нартам Балсагова Колеса (*Бæлцæджы цалх*) [9, с. 138]. В противоположность осетинским сказаниям, в кабардинской версии Сосруко характеризуется весьма отрицательно и нарты испытывают к нему явную неприязнь, причина которой, согласно повествованию в сказании «Бештау», – зависть.

Ю.С. Гаглойти привел также сопоставление известного кабардинского сказания о Пши Бадиноко с осетинскими и балкарскими сказаниями об Арахцау (Рачикау), сыне Бедзенага (Бедене), и обнаружил их удивительную близость. Как установлено

исследователем, кабардинский Бадыныко, сын Бадина, является калькой осетинского Бедзенага. Отличие лишь в том, что в кабардинском сказании отсутствует рассказ о рождении и происхождении Бадиноко, хорошо отраженный в осетинском и балкарском вариантах [9, с. 139].

Бесспорный интерес представляют ономастические схождения. В кавказских версиях эпоса наиболее заметны следующие аналогии: осет. *Уырызмæг* – каб. и черк. *Озырмег, Озермешь, Узырмес, Уразмес*; осет. *Сата́на* – каб. *Сатаней, Сатане*; осет. *Хамыц* – каб. *Хымыш*; осет. *Батрадз* – каб. и черк. *Батирас, Батраз, Петерез*; осет. *Сослан, Созырыхъо, Созырко* – каб. *Сосруко*, абадз. *Саусурук*; осет. *Сырдон* – каб. *Ширтан*; осет. *Ацæмæз* – каб. *Ашемез*, абадз. *Ашмез*; осет. *Тотрадз* – каб. *Тотреш*; осет. *Сæууай* – черк. *Севай*; осет. *Сыбæлц*, *Субалци* – каб. *Сыбылшы*; осет. *Бедзенæг* – каб. *Пши Бадиноко*, абадз. *Шыбатнук*, зап.-черк. *Еше-Бытыныk*; осет. *Арæхцау* – каб. *Аракшау* [1, с. 209–210].

В данном контексте особо показательны осетино-кабардинские параллели собственных имен героев «Нартиады», наличие которых явно превалирует над общими элементами других национальных вариантов. В адыгских нартовских сказаниях получило распространение имя Батраз, в форме Петерез, Батарас. Сын Хемышоко Петерез (сын Хамыша Петерез) представлен как мститель нартам за убийство своего отца. Ж. Дюмезиль не подвергал сомнению переход образа Батраза из осетинского эпоса и отмечал, что «заимствование подверглось строгому отбору. Черты и сцены, которые в осетинском оригинале напоминали о натуралистической, грозовой природе героя, и вообще все, что в сказаниях о Батразе, по-видимому, произошло от культа скифского Ареса, исчезло в адыгской версии» [18, с. 25].

Помимо перечисленных соответствий, в кабардинских сказаниях представлены также персонажи: отец и дочь Аладжук и Агуард (осет. *Алæг* и *Агуындæ*), Севай (осет. *Сæууай*), княгиня Сатанай, у которой от брака со свинопасом Аргуном рождается Саусрук (осет. *Сослан*), и др.

Собственные имена героев нартовского эпоса были детально исследованы В.И. Абаевым, который обосновал скифо-аланское (древнеосетинское) происхождение большинства из них [1, с. 243–260].

При сопоставительном анализе эпических текстов прослеживаются также терминологические параллели, в частности в наименовании нартовского совета – «парламента»: осет. – *ныхас*; адыг. – *хаса-хасэ*; карач.-балк. – *ныгъыш*; абх. – *аныха*; рачинское – *санахшо*. Характерно, что в кабардинском языке «хаса» этимологизируется как «совет», «совещание», в адыгском варианте эпоса – «хас» – место, где собирались эпические герои для решения насущных вопросов общества, а также для развлечения.

О происхождении рассматриваемого термина высказано множество предположений. По мнению М.А. Кумахова и З.Ю. Кумаховой, «ныхас» – совет матерей, где «ны» – мать, «хасэ» – совет [21, 35]. При всем множестве гипотез, наиболее аргументированной и логичной представляется трактовка В.И. Абаева, который отнес термин «ныхас» («разговор», «слова») к древнеиндийскому миру (*nikasakas* – «являться», «объявляться») [2, с. 221–222].

Аналогичные схождения имеют место и в различных сферах жизнедеятельности: осет. *сæн* (вино) – каб. *сана*; осет. *уæздан* (благородный) – каб. *уасдан*; осет. *урссæр* (белая голова) – каб. *Уорсар, Орсарыш*; осет. *хæрам* – каб. *харам*; осет. *Бæлцæджы цалх* – каб. *Жан-Шерх*; осет. *Уац-Георги* – каб. *Ауш-Георги*; осет. *Уасхо* – каб. *Уашхо* и др.

Вызывает интерес вопрос этимологического толкования термина «нарт», на протяжении длительного периода являющийся дискуссионным, поскольку ни одна из многочисленных гипотез не получила всеобщего одобрения. Между тем большинство ученых не подвергают сомнению факт принадлежности указанного эпонима к древнеиранскому наименованию воина, героя – "*nar*", равно как и утверждение о том, что сама идея нартов и основные персонажи, в которых они воплощены, родились у осетин и были восприняты впоследствии соседними народами [10, с. 331–340]. Согласно исследованиям Ю.А. Дзиццойты, если на основе анализа текстов попытаться выяснить, кого же сказители имели в виду под нартами, то окажется, что ими являются, прежде всего, представители рода воинов *Æxsærtæggatæ* [12, с. 87–89; 18, с. 12–13]. Об этом говорит и появление такой формы названия рода воинов, как *Æxsærtæggatæ* [26, с. 62], представляющей собой контаминацию термина *nartæ* с родовым именем *Æxsærtæggatæ* [17, с. 176]. Такую же контаминированную форму находим в адыгской версии нартовского эпоса – *Axsnartugo*. Следовательно, термин nartæ, обозначающий в современном употреблении «богатыри», «герои», первоначально был наименованием исключительно касты воинов или, если быть точнее, аллонимом названия этой касты, и лишь со временем стал обозначать героев эпопеи в целом <…> Осетинская традиция обозначать сословие воинов производным от основы **ner-* (= осет. *nartæ*) уходит корнями в индоевропейскую древность [15, с. 282–284].

Таким образом, эпический этноним «нарт», подобно собственным именам героев, в большей или меньшей степени сходных у всех носителей эпоса, указывает на распространение нартовских сказаний из одного источника.

Наряду с очевидными схождениями между указанными двумя важнейшими версиями «Нартиады» наблюдаются существенные отличия. Наиболее яркое свидетельство они обрели в результате разработки Ж. Дюмезилем трифункциональной теории индоевропейских народов. Концепция трехчастного деления является самым значимым научным до-

стижением ученого, которое прочно укрепилось в науке. Путем сопоставления языкового материала и мифов различных индоевропейских народов Дюмезиль пришел к выводу, что протоиндоевропейское общество функционально делилось на три сословия: жреческое (ср. *брахманы*), воинское (ср. *кшатрии*) и земледельческое (ср. *вайшьи*).Познакомившись с тремя нартовскими родами в осетинских сказаниях и обнаружив в них свидетельства предлагаемой научной гипотезы, ученый основательно утвердился в истинности своей теории. Подобное деление отсутствует в абхазских сказаниях, в кабардинских же представлено лишь одним родом – Алагата (черк. *Аледж*), при этом сюжет сказания настолько близок к осетинскому, что заимствование его черкесами у осетин Дюмезиль не подвергал сомнению. Соответственно, наличие всех трех элементов трифункционального деления эпического общества является основополагающим аргументом в пользу принадлежности тому или иному народу первоначального ядра эпоса [17, с. 173–174].

По мнению М.В. Рклицкого, характерной чертой адыгских сказаний, опубликованных в дореволюционный период, является полное отсутствие в них мифологического элемента, тогда как в осетинских сказаниях нарты живут единокровной жизнью с небожителями: «Большой пир устроили нарты в честь Сослана – да и как им не было пировать от одного дня недели до другого такого же дня! Были званы на пир также небесные зэды и дауаги: покровитель путников бесстрашный Уастырджи, небесный Курдалагон, покровители скота Тутыр, диких животных Афсати, покровитель зерна Уацилла, светлый Реком, чистые Мыкалгабырта, небесные Сафа, Галагон, а также покровитель вод Донбеттыр» [27, с. 22].

К особенностям исследуемых версий нартовского эпоса следует отнести также: 1) отсутствие грозовой природы кабардинского Пэтэрэза, поскольку место его обитания, в отличие от осетинского Батраза, не небеса, а земля; 2) аналог осетинского Балсагова Колеса, имеющийся в кабардинских сказаниях, под названием Аджин Чарх и Жан-Марх – «Режущее Колесо», лишено многих чудесных свойств, которыми оно наделено в осетинских сказаниях (в частности, в адыгской версии оно не живое, не имеет небесного хозяина, действует по законам механики и погибает от руки враждовавших с ним нартов); 3) эпические сюжеты о соперничестве двух героев – Сосруко и Тотрадза также разнятся, поскольку в осетинских текстах симпатии нартов на стороне юного Тотрадза, ставшего жертвой нечестной борьбы, а в кабардинских – на стороне Сосруко.

В работе «К вопросу о нартах и нартских сказаниях» М.В. Рклицкий, помимо высказывания об отсутствии следов мифологизма в кабардинском эпосе, выражает несогласие с мнением В.Ф. Миллера, писавшего о влиянии кабардинского эпоса на осетинский и балкарский. Ученый обратил внимание на отсутствие в кабардинских сказаниях следов скифо-сарматских пережитков и первых двух циклов нартовских сказаний осетин (Уархаг и его сыновья; Урузмаг и Сатана), а также на отсутствие в кабардинской версии такой колоритной фигуры осетинского эпоса, как Сырдон (его функции частично перешли к Сосруко) и др.) [27, с. 22].

Как отмечено Ж. Дюмезилем, касательно образа Сатаны, «народы, живущие по соседству с осетинами, не пренебрегли столь привлекательным образом и, возможно, что у них он действительно питается воспоминаниями о матриархате». Соответственно, Сатаней у адыгов – идеал любой благородной женщины, именем которой назван цветок. Однако, как отмечено ученым, «родственные связи черкесской Сатаней, как и абхазской Сатаней, уже не те, что в Осетии <…> ничего не рассказывается ни о ее рождении, ни о родителях. Для черкесов она просто одна из княжон, которую герой Уерземедж завоевывает, иногда с трудом» [17, с. 245–246]. Сюжеты о Сатаней составляют значительный корпус кабардинских сказаний, в роли мужа Сата́ны выступает Хымыш (осет. *Хæмыц*), однако отношение нартов к ней – двойственное.

Адыгейским нартам чужды близнецы Ахсар и Ахсартаг – герои осетинского эпоса, представленные как родоначальники касты воинов. Популярный в адыгском варианте эпоса Пши Бадиноко играет у осетин второстепенную роль. А исконно иранские имена: Уархаг, Ахсар, Ахсартаг – неизвестны ни адыгским, ни абхазским версиям эпоса. Кроме того, новые научные изыскания не подтверждают суждения о том, что сказание о Сосруко (осет. *Сослане*) составляет более архаичный пласт в абхазо-адыгских сказаниях, нежели в осетинских [25; 45, с. 204].

В дополнение к сказанному, кабардинская версия эпоса отличается от осетинской «Нартиады» принадлежностью к разным общественно-политическим формациям. Кабардинские сказания отражают феодальный период развития общества, а осетинские – родовую стадию его развития, к тому же с пережитками матриархата. Вместе с тем осетинские сказания испытали незначительное кабардинское влияние, которое перешло к ним через записи братьев Дж. и Г. Шанаевых. Влияние сказалось в виде «совершенно несвойственных осетинским вариантам длиннот, чуждых осетинскому эпическому стилю эпитетов, как «снежнобородый», «железноглазый» [1, с. 211].

Разнятся исследуемые варианты «Нартиады» и по манере изложения. Если кабардинским текстам свойственна более распространенная интерпретация, орнаментальность повествования, сложность поэтики и конструкции языка, то для осетинских сказаний характерны: обилие самостоятельных сюжетов, четкость композиции, преобладание действия, динамики описания и риторики, отсутствие лирических отступлений, сложных поворотов и предельная лаконичность стиля, а также несложный синтаксис и простота фразы [20, с. 114–115].

Следует обратить внимание на проблему этнической атрибуции эпических персонажей. В осетинском эпосе нарты – безоговорочно осетины. В адыгском варианте отсутствует четкое этническое определение нартовских героев. Согласно исследованиям Ю.А. Дзиццойты, «в одних сказаниях герои адыгского эпоса считаются адыгами, а в других – наоборот, нарты противопоставляются им. Подобная оппозиция наблюдается и в других вариантах (вайнахский, картвельский) эпоса» [16, с. 32– 40].

Заметны отличия кабардинских и осетинских эпических произведений и по степени популярности бытования. В последней четверти XIX в. на страницах V выпуска ССКГ одновременно выступили собиратели кабардинских и осетинских сказаний. Так, собиратель кабардинских текстов сообщал: «Не можем ручаться за совершенную полноту приводимых нами сказаний, так как по редкости лиц, которые хорошо бы знали песни, с каждым днем все более забываемые, мы не могли записать их от разных лиц и сличить варианты» [19, с. 52].

Иные сведения были предоставлены Дж. Шанаевым, известным собирателем осетинского фольклора: «Нужно признаться, что хотя поле собирания нартовских сказаний велико, слишком велико, однако на этот раз я не мог явиться полноправным его хозяином и я не успел собрать столько сказаний, сколько желал. Причина тому заключается в краткости того времени, которое я мог употребить на собирание этих сказаний, к тому же это было в летнюю пору, когда сельскому люду не до сказок» [30, с. 1].

Очевидно, что в ходе подобных исследований вновь возникает дискутируемый вопрос о генезисе нартовского эпоса. Известно мнение о возникновении сказаний среди аборигенов Кавказа. Следует отметить, что позиция сторонников данного предположения весьма уязвима. Не выдерживает критики и мнение о том, что термин «нарт» или имена главных героев появились у каждого народа независимо друг от друга. В то же время имеются все основания считать, «что материальным ядром нартовского эпоса послужил древний аланский цикл, восходящий некоторыми элементами еще к скифской эпохе и непрерывно обогащавшийся за счет контактов с другими народами, в том числе и народами Кавказа» [3, с. 78]. Данное высказывание иллюстрируется В.И. Абаевым ссылкой на осетинскую версию имени Созырко, образовавшегося от кабардинского Сосруко, что свидетельствует об обратном влиянии адыгского ономастического варианта на осетинский.

За текущий полувековой период нартоведами высказано множество мнений, среди которых наиболее активная позиция принадлежит кабардинским коллегам. Опровергая скифо-аланские истоки формирования эпоса, ими выдвинуты и отстаиваются утверждения об адыгском центре возникновения нартовского эпоса [11, с. 219–220]; о двух центрах формирования эпоса: адыгском (Сосруко) и осетинском (Батраз) [11, с. 98–101]; что эпос – детище автохтонного кавказского населения, которое либо имело единый язык, либо общалось на близкородственных языках, и восходит к III–II тыс. до н. э., к периоду до появления на Кавказе ираноязычных и тюркских племен [13, с. 98; 4, с. 773]. Однако ни одно из представленных утверждений не обосновано соответствующей научной аргументацией, в связи с чем они оказались подвергнуты справедливой критике коллег (А.А. Петросян, В.И. Абаев, Ю.С. Гаглойти). В то же время имеется немало веских доводов, опровергающих предложенные гипотезы. Достаточно привести один из них: если эпос в действительности сложился на Кавказе среди местного автохтонного населения, то возникает вопрос о разной степени его распространенности у всех народов Кавказа. У кабардинцев он наиболее богат, а у тех же адыгских племен – убыхов, живших на крайнем западе Кавказа, сохранился весьма слабо; у непосредственных соседей алан – ингушей эпос сохранился лучше, а далее на восток – у дагестанцев и кумыков – эпические сюжеты бытуют лишь в виде народных сказок. Соответственно, у единственного неавтохтонного народа на Кавказе, у осетин, эпос сохранился в наиболее полном и совершенном виде. На эту особенность нартовского эпоса у осетин обратил внимание балкарский нартовед М.Ч. Джуртубаев, на которого «сильное впечатление произвели и высокое художественное достоинство осетинского эпоса, богатство сюжетов, обилие антропонимов, этнонимов и топонимов, как, разумеется, и объем накопленного к тому времени материала» [14, с. 333–334]. Указанные качества осетинской Нартиады неоднократно были подмечены учеными.

Выше указано, что предки адыгов познакомились с нартовскими сказаниями, пребывая на северо-западе Кавказа, живя по соседству и поддерживая тесные этнокультурные контакты с аланами. Касаясь вопроса участия алан в этногенезе отдельных адыгских племен, Е.М. Мелетинский отмечал, акцентируя внимание на кабардинцах: «В особенности это относится к кабардинцам, занявшим отчасти уже в татарский и послетатарский периоды значительную часть исторической Алании, ассимилировав при этом сохранившееся там аланское население. Хотя численно население могло быть незначительным и язык западнокавказской группы одержал верх над языком североиранским, тем не менее эти остатки алан, вошедшие в состав кабардинской народности, могли сыграть значительную роль в распространении нартовского эпоса» [25, с. 37].

Развивая мысль о степени влияния на пришельцев сохранившейся части аланского населения на территории бывшей Алании, ученый заключает: «Незначительное количество алан, потомки которых были ассимилированы кабардинцами, могли сыграть известную роль в распространении нартовских сказаний. Следствием этих контактов было

дальнейшее, более быстрое и объемное формирование кабардинской версии эпоса» [25, с. 37].

Как показали исследования последних десятилетий, ареальные связи осетинской «Нартиады» оказались весьма существенными и позволяют проводить параллели с народами Евразии от Индии до Атлантического побережья. Среди народов Кавказа – носителей эпоса, контактировавших с широким кругом народов на значительных географических пространствах, истории известны лишь предки современных осетин – скифо-сармато-аланские племена [39, с. 21–22].

Вместе с тем прочтение особенностей всех национальных эпических традиций выявляет созвучие сюжетов с ментальной атмосферой конкретного этноса. И в отличие от дискуссии об истоках формирования ядра эпоса, очевидно, что вопрос о принадлежности национальных версий нартовских сказаний бесспорен: «Эпос принадлежит тому народу, среди которого он бытует. Это значит, что осетинские варианты принадлежат осетинам, адыгские – адыгам, абхазские – абхазам и т. д.» [1, с. 381]. Народы черпают свои песни и легенды из сокровищниц своей души, из своего исторического опыта, из своего жизненного уклада. Легко убедиться, что у каждого из народов Кавказа нартовские сказания по содержанию, бытовым реалиям, форме, поэтике, стилю, манере исполнения несут черты национальной фольклорной традиции, национального колорита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. *Избранные труды. Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.*

2. Абаев В.И. *ИЭСОЯ. Т. 2. – М., 1973. Л.: Наука. 452 с.*

3. Абаев В.И. *Нартовский эпос осетин. – Цхинвал, 1982. 106 с.*

4. Адыгская *(Черкесская) энциклопедия. –М., 2006. 1247 с.*

5. Алиева А.И. *Адыгский нартский эпос. – Москва, Нальчик, 1969. 168 с.*

6. Бонгард Левин Г.М., Грантовский Э.А. *От скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – М., 1983. 132 с.*

7. Бязырты А. *Нарты таурæгъты истории. – Дзæуджыхъæу, 1993. 168 с.*

8. Гаглойти Ю.С. *Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ, 1989. С. 11–35.*

9. Гаглойти Ю.С. *Некоторые вопросы историографии нартовского эпоса. – Цхинвали: Ирыстон, 1977. 204 с.*

10. Гаглойти Ю.С. *О происхождении термина «нарт» // Нарты и аланы. – Цхинвал: Республика, 2017. С. 331–340.*

11. Гадагатль А.М. *Героический эпос «Нарты» и его генезис. – Краснодар, 1967. 424 с.*

12. Гуриев Т.А. *К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса. – Орджоникидзе, 1971. 192 с.*

13. Гутов А.М. *Народный эпос: традиция и современность. – Нальчик, 2009. 228 с.*

14. Джуртубаев М.Ч. *Происхождение нартского эпоса. – Нальчик, 2013. 802 с.*

15. Дзиццойты Ю.А. *К этимологии термина NARTÆ // Вопросы осетинской филологии. Т.I. – Цхинвал: Республика, 2017. 464 с.*

16. Дзиццойты Ю.А. *Нарты и их соседи. – Владикавказ, 2003. 279 с.*

17. Дюмезиль Ж. *Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1977. 274 с.*

18. Дюмезиль Ж. *Скифы и нарты. – Москва: Наука,1990. 231 с.*

19. Из кабардинских *сказаний о нартах. От собирателя // ССКГ. Вып. 5 Отд. II. – Тифлис, 1875. С. 47–71.*

20. Калоев Г. *Нартский эпос // Нартский эпос. Сборник статей. – Вл., 1957. С. 114–121.*

21. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. *Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. – М.: Наука, 1985. 233 с.*

22. Кусаева З.К. *Гендерный контекст обрядов инициации в мифо-ритуальных практиках осетин // Вестник СОГУ №4. – Владикавказ, 2011. С. 207–214.*

23. Лопатинский Л.Г. *Кабардинские тексты // СМОМПК. вып. XII, отд. 2. С. 45–77.*

24. Мамонова В.А. *Историография нартского эпоса осетин: культурологический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. культ. н. – С.-Пб., 2004. 25 с.*

25. Мелетинский Е.М. *Происхождение героического эпоса.– М.,1963. 462 с.*

26. Миллер В.Ф. *Осетинские этюды. Часть 1. – М.,1881. 166 с.*

27. Рклицкий М.В. *К вопросу о нартах и нартских сказаниях. – Вл.,1927. 34 с.*

28. Уарзиати В.С. *Избранные труды. Т.II. Владикавказ, 2018. 639 с.*

29. Чибиров Л.А. *Еще раз о первоначальном ядре Нартиады // Известия СОИГСИ. Вып. 31 (70), 2019. С. 17–28.*

30. Шанаев Дж. *Осетинские народные сказания // ССКГ. Вып. 5 Отд. II. Тифлис, 1875. С. 1–37.*

OSSETIAN AND ADYGHE NART PARALLELS

L.A. Chibirov*, Z.K. Kusaeva**

**Dr., Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Ethnology of NOIHSS VSC RAS (l.chibirov@mail.ru).*
***PhD, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature of NOIHSS VSC RAS(kusaevaz@mail.ru).*

Abstract. *The existing similarities and differences between the Ossetian and Adyghe (basically Kabardian) versions of «Nartiada» are analyzed in the article. That said, a critical assessment of the concept of polycentricity (substrate and Caucasian origin of the epic) is given, as well as an existing judgment on the Adyghe center core formation of the Nart epic and the corresponding scientific argument justifying the reliability of Vasiliy I. Abaev's point that the origins of Nartiada's formation lead to the legends of the northern Iranian tribes of the Scythians, Sarmatians, Alans.*

Keywords: *Nart legends, Scythians, Sarmatians, Alans, Ossetians, Circassians, parallels, epic core.*

REFERENCES

1. Abaev V.I. Izbrannye trudy. Religiya, fol'klor, literatura. – Vladikavkaz: Ir, 1990. 640 s.
2. Abaev V.I. IESOYA. T. 2. – M., 1973. L.: Nauka. 452 s.
3. Abaev V.I. Nartovskij epos osetin. – Ckhinval, 1982. 106 s.
4. Adygskaya (CHerkesskaya) enciklopediya. –M., 2006. 1247 s.
5. Alieva A.I. Adygskij nartskij epos. – Moskva, Nal'chik, 1969. 168 s.
6. Bongard Levin G.M., Grantovskij E.A. Ot skifii do Indii. Drevnie arii: mify i istoriya. – M., 1983. 132 s.
7. Byazyrty A. Narty tauræg»ty istorii. – Dzæudzhy-h»æu, 1993. 168 s.
8. Gaglojti YU.C. Trekhfunkcional'noe delenie v etnicheskoj kul'ture osetin // Problemy etnografii osetin. – Vladikavkaz, 1989. S. 11–35.
9. Gaglojti YU.S. Nekotorye voprosy istoriografii nartovskogo eposa. – Ckhinvali: Iryston, 1977. 204 s.
10. Gaglojti YU.S. O proiskhozhdenii termina «nart» // Narty i alany. – Ckhinval: Respublika, 2017. S. 331–340.
11. Gadagatl' A.M. Geroicheskij epos «Narty» i ego genezis. – Krasnodar, 1967. 424 s.
12. Guriev T.A. K probleme genezisa osetinskogo nartovskogo eposa. – Ordzhonikidze, 1971. 192 s.
13. Gutov A.M. Narodnyj epos: tradiciya i sovremennost'. – Nal'chik, 2009. 228 s.
14. Dzhurtubaev M.CH. Proiskhozhdenie nartskogo eposa. – Nal'chik, 2013. 802 s.
15. Dziccojty YU.A. K etimologii termina NARTÆ // Voprosy osetinskoj filologii. T.I. – Ckhinval: Respublika, 2017. 464 s.
16. Dziccojty YU.A. Narty i ih sosedi. – Vladikavkaz, 2003. 279 s.
17. Dyumezil' ZH. Osetinskij epos i mifologiya. – M.: Nauka, 1977. 274 s.
18. Dyumezil' ZH. Skify i narty. – Moskva: Nauka,1990. 231 s.
19. Iz kabardinskih skazanij o nartah. Ot sobiratelya // SSKG. Vyp. 5 Otd. II. – Tiflis, 1875. C. 47–71.
20. Kaloev G. Nartskij epos // Nartskij epos. Sbornik statej. – Vl., 1957. S. 114–121.
21. Kumahov M.A., Kumahova Z.YU. YAzyk adygskogo fol'klora: Nartskij epos. – M.: Nauka, 1985. 233 s.
22. Kusaeva Z.K. Gendernyj kontekst obryadov iniciacii v mifo-ritual'nyh praktikah osetin // Vestnik SOGU №4. – Vladikavkaz, 2011. S. 207–214.
23. Lopatinskij L.G. Kabardinskie teksty // SMOMPK. vyp. XII, otd. 2. S. 45–77.
24. Mamonova V.A. Istoriografiya nartskogo eposa osetin: kul'turologicheskij aspekt. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni k. kul't. n. – S.-Pb., 2004. 25 s.
25. Meletinskij E.M. Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa.– M.,1963. 462 s.
26. Miller V.F. Osetinskie etyudy. CHast' 1. – M.,1881. 166 s.
27. Rklickij M.V. K voprosu o nartah i nartskih skazaniyah. – Vl.,1927. 34 s.
28. Uarziati V.S. Izbrannye trudy. T.II. Vladikavkaz, 2018. 639 s.
29. CHibirov L.A. Eshche raz o pervonachal'nom yadre Nartiady // Izvestiya SOIGSI. Vyp. 31 (70), 2019. S. 17–28.
30. SHanaev Dzh. Osetinskie narodnye skazaniya // SSKG. Vyp. 5 Otd. II. Tiflis, 1875. C. 1–37.